

«Т» ЕПЕРЬ о пропаганде надо очень сильно подумать, о контрпропаганде — в нее входит, кстати, критика сегоднешней власти. Кроме того, надо выступать против партии чиновников и не забывать об одном еще очень и очень опасном враге, о коммунистах», — такую задачу ставил Владимир Войнович перед «Правым делом» и самим собой в статье «Вы где-нибудь видели, чтобы построили хороший коммунизм?» (она помещена на сайте этой организации среди «Новостей партийного строительства»).

В статье «Либерал против либерализма» писатель-диссидент называет большой ошибкой демократов «почти полное равнодушие к тому, что называют идеологической работой»: «Пока демократы думали, что преимущества новой жизни сами себя покажут и убедят людей в правильности избранного пути, в средствах массовой информации изо дня в день шла пропаганда советского образа жизни. Настоящее изображалось в самых мрачных красках всеми, включая комментаторов телевидения, получавших зарплату по несколько тысяч долларов в месяц. Прошлое, наоборот, являлось нам с экранов в праздничных нарядах: поэты, артисты, спортсмены, космонавты со слезами на глазах вспоминали пионерские костры, первомайские демонстрации, «голубые огоньки», олимпийского мишку. Каждый день по всем программам шли (и сейчас идут) художественные фильмы,

психические характеры в типических обстоятельствах. Главная героиня, ортодоксальная сталистка, в прошлом комсомолка, партизанка, секретарь райкома, Аглая Ревкина не вписалась в оттепельную, застойную, тем более перестроечную реальность, вновь нашла себя в зюгановском движении постперестроечных лет и погибла при бандитской разборке, которая была вместе с тем трагическим самоубийством инвалида-«афганца». Пострадавший в годы культа личности убежденный ленинец Марк Шубкин «вышел из лагеря несломленным, непокоренным, не изменившим своим убеждениям, то есть вышел таким же дураком, каким и вошел»; всем сердцем откликнувшись на решения XX и XXII съездов партии, он... скончался в эмиграции. Мы познакомимся также с зачинателем движения «за себя и за того парня», заглянем на черноморскую дачу Брежнева и пообщаемся с дорогим Леонидом Ильичем, разберемся, кто из нынешних долгосрочных авторитетов кого и как «заказывает».

Пропагандистский роман — это «реалистическое полотно с элементами гротеска». Тут работают прежде всего говорящие фамилии и внешний облик героев: «Второй секретарь райкома Петр Климович Поросянинов, упитанный, краснощекий, лысый человек с толстыми, влажными, покрытыми белесой щетиной ушами — фамилия очень ему подходила. Фамилии, кстати, в Долгове у многих людей были значащие. Там в какой-то период одновременно сосуществовали начальник милиции Тюрятин, проку-

вы видели, чтобы построили хороший коммунизм?»

Что касается «повествователя» и «я», то тут вышло что-то непонятное: я-повествователь то чего-то не расслышал и не разглядел («Повторяю, я стоял довольно далеко, и мне не все было видно»), то читает в душах, знает «все» и присутствует там, где его не было. Никак не заметно, чтобы эта путаница была обыграна как прием. Нет, «просто так».

Повествователь постоянно растолковывает, разжевывает смысл нарисованных картинок, отнюдь не оставляя выводы на усмотрение читателя. Если убежденная коммунистка Аглая привычно дает на лапу кому надо, автор тут же вмешивается и подробно объясняет, что она «верила в преданность народа коммунистическим идеалам, в его моральное здоровье и неподкупность. И в то же время не сомневалась, что каждый отдельный член этого народа за пятерку, а тем более за десятку, продаст целиком тело, душу, родину, народ и коммунистические идеалы. Если бы она прочла где-нибудь в романе, что вымышленный автором чиновник получил от вымышленного просителя взятку, она бы немедленно написала в редакцию гневное письмо. Клевета на нашу действительность. Но в реальной жизни она не могла даже представить себе, чтобы советский служащий, большой или маленький, пренебрег возможностью взять, что дадут, или не дать, что просят».

«Монументальной пропаганде» свойственна еще одна характерная особенность реализма: сны, гаданья и предсказания непре-

ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО

Роман Владимира Войновича
в журнале «Знамя»

Независимая газета.
— 2000. — 12 апр. — с. 7

В жизни Войновичу всегда сопутствовал успех. Писатель и поэт Белла Ахмадулина. Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

где самыми положительными героями были честные коммунисты, отважные чекисты, орденосцы-стахановцы, передовые колхозники».

Итак, Владимир Войнович «очень сильно подумал» и написал пропагандистский и контрпропагандистский роман «Монументальная пропаганда» («Знамя» № 1—2). Задача ясна: «Людьми надо напоминать, что было при коммунистах», конструктивно критиковать недостатки нынешней власти, предостерегать от нового культа личности. Неясно, правда, кого автор собирает распространять: подписчики и читатели «Знамени» в пропаганде такого рода вряд ли нуждаются, а «красный электорат» вряд ли станет читать в либеральном журнале роман в духе антисоциалистического реализма.

Впрочем, в сто первый раз повторив, что писателя надо судить по законам, им самим над собой поставленным, попробуем эти законы из самого романа извлечь.

Пропагандистский роман — это «масштабное полотно». Действие охватывает сорок с лишним лет советской и постсоветской жизни: начинается «в феврале 1956 года, в день окончания XX съезда КПСС», когда «в Долговском районном Доме железнодорожника местному партактиву читали закрытый доклад Хрущева о культе личности Сталина», углубляется в 1949-й, протекает в хрущевские и брежневские времена и завершается в наши дни, когда город Долгов достался бандиту Чуме, он же благодетель и меценат господин Булкин. «Народ шутит, что если бы не Чума, то мы бы все здесь давно вымерли».

Пропагандистский роман — «реалистическое полотно»: автор прослеживает судьбы героев, которые призваны воплотить ти-

рор Строгий, его заместитель Вороватый, судья Шемакин и заведующий отделом народного образования Нечитайло».

Наконец, пропагандистский роман — это полотно, где виден «перст, страстно поднятый». Проводя идеи, воздевают персты сразу двое — «я» и герой по прозвищу Адмирал. Независимость мысли последнего выводится непосредственно из факта его инвалидности, как фанатичная коммунистическая убежденность Аглаи выводится из ее сексуальной неудовлетворенности.

Главный герой-идеолог, проводник самых правильных идей — это, конечно, Адмирал. Относительно коммунизма и коммунистической идеологии — Единственно Правильного Научного Мировоззрения, сокращенно Епэнэмэ (уже смешно?) — он говорит то же самое, что и Войнович-публицист. «Наш Адмирал, будучи человеком обширных знаний и совершенно независимых суждений, всегда имея на все оригинальную точку зрения, к учению Епэнэмэ относился без уважения еще в те времена, когда мало кто до этого решался думать... До сих пор приверженцы Епэнэмэ говорят, что теория была хорошая, а практика плохая. Ленин правильно разработал, а Сталин неправильно применил. А кто, где, в какой стране правильно применил: Хрущев? Брежнев? Мао Цзэдун? Ким Ир Сен? Хо Ши Мин? Пол Пот? Кастро? Кто? Где? Когда? Что же в этой теории такого хорошего, если она никакой практикой, нигде и ни при каких обстоятельствах подтвердиться не может?» — «Люди надо говорить: а вы посмотрите конкретно вокруг себя, посмотрите, коммунизм строился на огромных пространствах, на всех континентах, кроме Австралии. Что из этого вышло? Где-нибудь

менно сбываются. Почему в реалистическом повествовании бывает именно так — отдельный разговор, но если чутунному Сталину придется расплавиться при взрыве в конце романа, то Шурочка-дурочка, персонаж второго плана, предскажет это еще в начале.

Язык романа, как и положено пропагандистскому инструменту, никакими сложностями, поисками, находками, изысками не отличается. Может быть, именно поэтому запоминаются смешные ляпы вроде такого: «За все время ни одна птица не смела тронуть статую ни ногой, ни крылом. Был случай, единственный — ворона с коркой хлеба села на фуражку, но не успела еще коснуться поверхности, как, выпустив пищу, с диким криком отлетела в сторону и камнем грянула об асфальт» (выделено мной — Е. И.).

Роман кончается предупреждением, которое высказывает и Войнович-публицист: «Народ жаждет кумира, и кумир к народу придет. Поэтому мой роман не только о прошлом и настоящем, он и о будущем». В статье «Всем свободу или всем по морде?» писатель тревожился, не окажется ли таким кумиром «персонаж на букву «П», хотя все-таки собирался голосовать за него. Потому что «смотрю на других, подходящей альтернативы не вижу...».

Андрей Немзер смеялся над «лежурной атрибутикой и риторикой» романа, «свежего и питательного, как яблоко». Но почему же яблоко? Роман так же прав, как правое дело.

Однако чем виднее воспитуемому воспитательный прием, тем меньше от него воспитательного эффекта. «Монументальная пропаганда» — образцовый пропагандистский роман, который никого распространять не может.